

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
Институт классического Востока и античности

На правах рукописи

Селезнев Николай Николаевич

**«СОБЕСЕДОВАНИЯ» ИЛИИ НИСИВИНСКОГО (975–1046)
В КОНТЕКСТЕ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ КНИЖНОСТИ**

Резюме

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва 2020

Работа выполнена в Институте классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Общая характеристика работы

В центре настоящего исследования — важный памятник арабо-христианской письменности XI в. — времени расцвета арабской культуры — «Книга собеседований (буквально: заседаний)» (*Kitāb al-mağālis*) Илии, нисивинского митрополита Церкви Востока (975–1046), с его мусульманским собеседником, везиром Абӯ-л-Қāсимом ал-Мағрибӣ (981–1027), а также документы, раскрывающие историю создания этого произведения.

Изложение содержания «собеседований» Илии и Абӯ-л-Қāсима известно в двух существенно различающихся редакциях. Одна из них представлена в «Книге собеседований», другая — в «Послании» Илии везиру. Критическое издание «Книги собеседований» и «Послания» Илии Абӯ-л-Қāсиму было осуществлено автором диссертации. Оно положено в основание настоящего исследования.

Разошедшиеся по разным краям арабоязычной экумены «Собеседования» Илии Нисивинского использовались другими авторами. Было бы, однако, слишком обыкновённым делом свести всё исследование межконфессиональных связей, расходящихся от «Собеседований» Илии Нисивинского в старинной арабской книжности к констатации заимствований. Более плодотворным занятием нужно признать изучение серии каких-то особенных связей. Они состояли в том, что труды выдающегося «несторианского» автора оказались читаемы и переписываемы коптами — представителями традиции, относящейся к противоположному по отношению к «несторианству» концу спектра конфессиональных позиций. Около 1260 г. коптский автор ал-Му'таман ибн ал-'Ассāл создал *magnit*

opus — «Собрание основ религии и переданный устно свод достоверного знания» — в котором пересказал сочинения нескольких «несториан», в том числе «Собеседования» Илии Нисивинского.

В настоящей работе рассмотрены материалы, свидетельствующие о значимых для средневековой арабской литературы эпизодах истории интеллектуальных связей на средневековом Ближнем Востоке, с особенным вниманием к тем авторам и произведениям, которых представил в своем «экуменическом» обзоре ал-Му'таман ибн ал-'Ассал и которые связаны с «Собеседованиями» Илии Нисивинского.

Тема исследования. Под *книжностью* подразумеваются тексты, произведения тех или иных авторов, созданные в русле единой культуры, и книги в их материальном измерении; применительно к средним векам — рукописи. В ходе исследования мы покажем, что судьбы рукописей предоставляют о межконфессиональных связях сведения не менее ценные, чем тексты в содержательном смысле. Под *межконфессиональными связями* имеются в виду связи между разными конфессиями, т. е. сообществами различных христианских исповеданий или толков, и прежде всего между теми из них, которые пространственно и по своим вероучительным позициям были наиболее отстоящими друг от друга: т. н. «несторианством» (экзоним Церкви Востока, локализованной в основном в Месопотамии и Азии) и сообществом коптов (в Египте).

Актуальность. Илия Нисивинский принадлежит к числу значительных и влиятельных авторов своего времени и региона. Дальнейшее пребывание одного из важнейших его произведений — «Собеседований» с везиром — в состоянии фрагментарной изданности и малоизученности вряд ли можно было бы признать приемлемым для мировой гуманитарной науки. Научная значимость этого диалогического произведения (и, соответственно, сосредоточенного на его изучении настоящего исследования) состоит прежде всего в том, что посредством изучения этого письменного памятника и его

рецепции в иноконфессиональной среде показаны важные закономерности развития истории классической арабо-христианской литературы при ее взаимодействии с литературой арабо-мусульманской. Исследование контекста бытования «Собеседований», в том числе восточнохристианского «экуменизма» в эпоху расцвета арабского владычества, научно необходимо для более широкого исследования культуры диалога.

Научная новизна исследования. Автором настоящего исследования были осуществлены и опубликованы критические издания и переводы трех основных письменных памятников, рассматриваемых в данной диссертации: ① «Книги общности веры» (*Kitāb iğtimā‘ al-amāna*) ‘Али ибн Дāvūда ал-Арфādī, ② «Книги собеседований» Илии Нисивинского и ③ его «Послания» везиру Абū-л-Қāсиму ал-Мағрибī. Следует отметить также, что русский перевод «Послания» Илии везиру, принципиально важного для реконструкции истории текста «Собеседований», — это первый в мировой науке перевод данного письменного памятника. Настоящая диссертация, представляющая исследование этой части арабо-христианской письменности, таким образом, характеризуется очевидной научной новизной.

Методологическую основу диссертации составляют филологические методы исследования: на уровне издания — текстологический анализ (определение цельности текста, разночтений, узусов, ошибок переписчиков, стилистических и идейных изменений, взаимоотношений списков, основного текста для издания и пр.), палеография и кодикология (идентификация рукописей, в т. ч. анализ письма), на уровне исследования произведений — сравнительно-исторический анализ (сопоставление источников, сравнение редакций, хронологическое соотнесение, сопоставление произведений с целью определения заимствований, интерпретаций и развития идей), литературоведческий анализ (композиция, ее обусловленность, жанр, мотивы автора и пр.), языковедческий анализ (главным образом в лингвистических рассуждениях автора произведения). Наряду с филологическими методами,

основными в комплексном инструментарии, используются: исторический подход (определение политического и культурного контекста), философский анализ (выявление использования приемов организации мысли, философской терминологии и комплекса идей), религиоведческий анализ (определение вероучительных позиций, конфессиональных особенностей).

Цели и задачи исследования. Первоначальная цель настоящего исследования — введение в научный оборот «Послания» Илии Нисивинского везиру путем научного издания его оригинального текста и перевода. Достижение этой цели, которое можно назвать главным научным событием в данном исследовательском проекте, определило цель проекта в целом: филологическое в своей основе, но комплексное исследование важного памятника восточнохристианской письменности — «Собеседований» Илии Нисивинского с везиром Абӯ-л-Қасимом ал-Мағрибӣ — в том числе осуществление его критического издания и перевода, и выявление контекста его бытования и межконфессиональных связей в средневековой ближневосточной книжности с учетом важной роли, отведенной «Собеседованиям», благодаря этим связям, в арабо-коптской книжности.

Исследовательские задачи, определенные обозначенными целями:

— Исследование истории текста «Собеседований», в том числе путем сопоставления редакции «Послания» и редакции «Книги собеседований», и пересмотр выводов, сделанных в этой области до введения «Послания» в научный оборот;

— Исследование заимствования «Собеседований» (в редакции «Послания») коптским автором ал-Му'таманом ибн ал-'Ассāлем в его сводном труде и определение исторического и литературного контекстов этого заимствования;

— Введение в научный оборот редакции на *каршунӣ* «Книги общности веры» 'Али ибн Дāvūда ал-Арфādӣ как письменного памятника, особенно

важного для определения контекста заимствования коптским автором сочинения «несторианского» автора, и определение характера других межконфессиональных связей в средневековой ближневосточной книжности.

Положения, выносимые на защиту:

— Первоначальной редакцией «Собеседований» Илии Нисивинского с везиром Абӯ-л-Қāсимом ал-Мағрибӣ является «Послание» Илии Нисивинского. После смерти везира «Послание» было переработано в «Книгу собеседований», что имело следствием изменение структуры и жанра этого произведения;

— Заимствование «Собеседований» (в редакции «Послания») коптским автором ал-Му'таманом ибн ал-'Ассāлем в его сводном труде было осуществлено в контексте распространения в восточнохристианской книжности «экуменических» воззрений и на фоне социальных и интеллектуальных вызовов ближневосточным христианским сообществам со стороны мира ислама, засвидетельствованных в литературе;

— Экуменическая парадигма взаимоотношений разных сообществ приобрела развитие в восточнохристианской книжности в эпоху расцвета арабской культуры в связи с арабо-мусульманской доксографической литературой и усвоением арабоязычными христианскими авторами приемов организации текста, отражающего развитие арабской мысли.

Научно-практическая значимость результатов исследования состоит в том, что они заметным образом обогащают знания, накопленные в области изучения литературных связей различных восточнохристианских сообществ, сосуществования арабо-мусульманской и арабо-христианской литератур, становления культуры диалога, исследования приемов организации арабской мысли. Литературоведение пополняется предметным знанием известного средневекового арабского письменного памятника. В практическом отношении академическое сообщество (филологов, философов, историков,

религиоведов) получает в свое распоряжение переведенный и исследованный литературный памятник, литературная и историческая ценность которого вряд ли может вызвать сомнения. С точки зрения социальной значимости результаты настоящего исследования являются вкладом в развитие культуры диалога.

Апробация. Диссертация обсуждалась на совместном заседании Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, Школы лингвистики НИУ ВШЭ и Департамента общей и прикладной филологии НИУ ВШЭ при участии востоковедов из Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Отдела литератур народов Азии и Отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения Российской академии наук и Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук и была единогласно рекомендована к защите.

По теме исследования автором были представлены доклады на семинарах и конференциях: 4 доклада-лекции на семинаре «Культура как способ смыслополагания» в РГГУ; 3 доклада на Межвузовских конференциях «Проблемы исторического и теоретического религиоведения» в МГУ; доклад на международной конференции «Христианская аскетика и мистика». Папский восточный институт (*Pontificio Istituto Orientale*) [и др.]; доклад на 2-й ежегодной конференции по иудаике и востоковедению в Институте иудаики (СПб.); доклад-лекция на семинаре «Культуры Востока» в ИКВИА НИУ ВШЭ¹.

На книги автора исследования, положенные в основание настоящей диссертации, были опубликованы положительные рецензии в отечественной и мировой академической периодике:

— На книгу: *Pax Christiana et Pax Islamica* (см. полные данные в списке публикаций, приведенном в конце резюме) были опубликованы рецензии

¹ Подробный перечень выступлений приведен в разделе «Апробация» текста диссертации.

Н. Л. Мухелишвили², С. С. Михайлова³, В. М. Лурье⁴, А. В. Смирнова⁵.

— На книгу *Книга собеседований* [...] и *Послание митрополита Илии везиру Абӯ-л-Қасиму* были опубликованы рецензии А. Трейгера⁶, Д. Ф. Бумажнова⁷, У. Занетти⁸.

По теме исследования автором опубликован также ряд статей в журналах, входящих в Scopus и Список НИУ ВШЭ, перечень которых также дан в конце резюме.

История вопроса. Ранние упоминания Илии Нисивинского и его сочинений в контексте становления в Европе гуманитарных исследований в современном их понимании связаны с аналогичными усилиями по систематизации знания в предшествующую эпоху на сиро-арабском Востоке. Речь идет о публикациях учеными-маронитами «Каталога» восточносирийского автора ‘Авдйшб’ бар Брйхā Нисивинского и Армянского (–1318), содержащего перечень известных ему из традиционной книжности авторов и их творений, в том числе сведения об Илие Нисивинском и его сочинениях. Первая печатная публикация этого «Каталога» была осуществлена Ибрāхймом ал-Хāқйллāнй (в латинизированной форме Abraham Ecchellensis; 1605–1664) в 1653 году. Другой знаменитый своей ученостью маронит Иосиф Симон Ассемани (ас-Сим‘āнй; 1686–1768) вновь издал вышеупомянутый «Каталог» ‘Авдйшб’ в составе своего основательного труда «*Bibliotheca orientalis*». Статью об Илие Нисивинском, содержащуюся в этом «Каталоге» он снабдил подробным комментарием,

² Мухелишвили, Н. Л. [Рецензия на книгу: Селезнев, Н. Н., *Pax Christiana et Pax Islamica...*] // *Религиоведение* 3 (2014), с. 196–197.

³ Михайлов, С. С., *Новая книга по истории Церкви* [Рец. на книгу: Селезнев Н.Н., *Pax Christiana et Pax Islamica...*] // Мещера-край 2015. – М.: Археодоксія, 2015, С. 216–220.

⁴ Lourié, V., [Review of: Селезнев, Н. Н., *Pax Christiana et Pax Islamica...*] // *Scrinium* 10 (2014), p. 525–527.

⁵ Смирнов, А. В., [Рецензия на книгу:] Селезнев, Н. Н., *Pax Christiana et Pax Islamica...*] // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом* 2 (2015), с. 300–304; Smirnov, A. V., [Review of: Селезнев, Н. Н., *Pax Christiana et Pax Islamica...*] // *State, Religion and Church* 3 (1) (2016), p. 115–119.

⁶ Treiger, A. [Review of: Селезнев, Н. Н., *Книга собеседований...*] // *Hugoye: Journal of Syriac Studies* 21.1 (2018), p. 236–240.

⁷ Bumazhnov, D., [Review of: Селезнев, Н. Н., *Книга собеседований...*] // *Scrinium* 14 (2018), p. 512–516.

⁸ Zanetti, U., [Compte rendu de: Селезнев, Н. Н., *Книга собеседований...*] // *Irénikon* 91 (2018), p. 282–283.

опираясь на рукописи с произведениями Илии, находящиеся в Ватиканской библиотеке. В разделе о «посланиях» Илии Нисивинского Ассемани дает описание «Книги собеседований». В этой части комментария им было расписано содержание всех семи «сессий» с небольшими выдержками по-арабски и их латинским переводом.

В 1697 году классик французского востоковедения Антуан Галлан (1646–1715) издал в качестве мемориального тома труд своего предшественника Бартеlemi д'Эрбло де Моленвилля (1625–1695) — словарь «Bibliothèque orientale». В нем мы находим статью об Илии Нисивинском и в ней ссылку на его сочинение «Отгнание тревоги и уничтожитель печали» (*Kitāb Daf' al-hamm wa-muzīl al-ġamm*), подтверждаемую каталогом рукописей Парижской библиотеки.

В каталогах восточных рукописей мы с тех пор регулярно встречаем указания, сопровождающиеся более или менее пространными выдержками и комментариями составителей, на сочинения Илии Нисивинского, и других восточных авторов, сочинения которых мы использовали в настоящем исследовании. Так, в знаменитой «*Scriptorum veterum nova collectio*» итальянского кардинала и известного филолога Анджело Май (1782–1854), на которую мы не раз ссылаемся на протяжении своего исследования, даны описания использованных нами рукописей Ватиканской библиотеки, в том числе новая роспись содержания «заседаний» «Книги собеседований» и т.д. Ссылки на описания рукописей в каталогах разных библиотек, данные в обзоре использованного рукописного материала, составляющем отдельную главу диссертации, в этом смысле являются уточнённым продолжением излагаемой здесь вкратце истории вопроса.

Нередки случаи, когда каталог сохраняет в виде выдержек, приведенных составителем в описании рукописи, ценный текст, который затем оказывается недоступным вследствие перехода рукописи в частное закрытое собрание или вовсе утраченным вместе с утраченной рукописью. Так, рукопись GAMS 1130 (Sbath 1130), содержащая текст «Послания» Илии

Нисивинского, стала недоступной (см. об этом в обзоре рукописного материала), однако выдержки из «Послания», сделанные П. Сбатом (1887–1945) в его каталоге, продолжают служить важными свидетелями текста. В том же каталоге им были полностью изданы два послания везира к Илие, ценность которых для нашего исследования трудно переоценить.

Отметим также случаи, когда составитель каталога рукописей того или иного собрания являлся одновременно издателем и автором исследования какого-то из интересующих нас произведений. В нашем случае можно указать на пример Жерара Трупо (1927–2010), составителя каталога арабо-христианских рукописей упоминавшейся выше Парижской библиотеки и одновременно издателя, по рукописи Бодлеянской библиотеки, арабского текста трактата ‘Али́ ибн Дāvūда ал-Арфādī «Книга общности веры», принципиально важного для нашего исследования. Издание Ж. Трупо, вышедшее в 1969 году, при более пристальном рассмотрении оказалось не лишенным серьезных дефектов, вплоть до пропуска части текста по небрежности, в связи с чем автору настоящего исследования пришлось осуществить новое издание арабского текста этого сочинения наряду с его редакцией на *каршунӣ*. Однако с 1969 по 2018 г., когда вышло наше издание, издание Трупо служило свою добрую службу исследователям, позволяя им составить в большей мере сообразное действительности представление об интеллектуальной культуре соответствующей эпохи.

Возвращаясь к фигуре Илии Нисивинского, центральной для нашего исследования, мы можем сказать, что по мере обретения доступа ко всё большему числу рукописей с его произведениями, разных рукописных традиций, начинают появляться издания его сочинений, а также обзоры его жизни и творчества.

«Книга собеседований» Илии Нисивинского была издана Луисом Шейхо в 1922 году в сокращенном варианте в виде серии публикаций в бейрутском церковном журнале «ал-Машриқ». Это издание оказалось востребованным, ссылки на него в работах исследователей арабо-христианского наследия и

исламо-христианского взаимовлияния встречаются многократно. Однако со временем научному сообществу стало понятно, что издание Л. Шейхо получилось неудовлетворительного качества: оно было основано на дефектных и нерепрезентативных рукописях, и сама издательская техника соответствовала уровню популярного, а не научного издания.

В качестве солидной обзорной работы, основанной на множестве рукописей, можно указать на статью Георга Графа (1875–1955) в составе его фундаментальной «Истории арабо-христианской литературы». К этой энциклопедической работе мы обращались не только в связи с наследием Илии Нисивинского, но и по поводу других авторов и их произведений, ставших предметами нашего изучения, что видно далее по сноскам в тексте диссертации.

Георг Граф уделил специальное внимание тому факту, что наряду с «Книгой собеседований», литературно организованной как серия из семи собеседований (букв. «заседаний» — *al-mağālis*), в письменном наследии Илии Нисивинского фигурирует также «Послание» везиру Абӯ-л-Қасиму ал-Мағрибӣ. Он дал обзор его содержания, а также отметил, что у коптского автора — ал-Му’тамана Абӯ Исхāқа Ибрахїма ибн ал-‘Ассāля — в сочинениях *Mağmū‘ uṣūl ad-dīn wa-masmū‘ maḥṣūl al-yaqīn* и *Kitāb silk al-fuṣūl fī muḥtaṣar al-uṣūl* содержатся выдержки (Auszüge) из этого «Послания» Илии везиру. Другой автор обзорной работы об Илие Нисивинском — ‘Аммануэл Делли (1927–2014), представитель Халдейской, т. е. восточносирийской униатской, Церкви, впоследствии ее патриарх — также обратил внимание на это «Послание», подчеркнув при этом, что текст «Послания» отличается от текста «Книги собеседований», известной в форме семи «сессий». Несмотря на широкую известность этих справочных изданий — «Geschichte der christlichen arabischen Literatur» Г. Графа и «Dictionnaire de spiritualité», где была напечатана статья ‘А. Делли, отмеченные факты оставались без должного внимания со стороны исследователей.

Неудовлетворительное качество издания «Книги собеседований»,

осуществленного Л. Шейхо, привлекло внимание ученого–иезуита Самйра Халйля Самйра (род. 1938). Им было предпринято издание отдельных частей «Книги собеседований», а также опубликован ряд работ, по биографии и письменному наследию Илии Нисивинского, на арабском и европейских языках. О «Послании» Илии Нисивинского везиру Абӯ-л-Қасиму ал-Мағрибй С. Х. Самйру было прекрасно известно; более того, он работал с текстом «Послания» по обеим алеппским рукописям, однако до публикации эта работа доведена им не была. Что еще более существенно, — детальное ознакомление С. Х. Самйра с текстом «Послания» никак не сказалось в его исследовательских работах: во всех своих публикациях он утверждал, что «Книга собеседований» является отражением обстоятельных бесед Илии Нисивинского с Абӯ-л-Қасимом ал-Мағрибй, и тот факт, что текст «Послания» при его сопоставлении с текстом «Книги собеседований» существенным образом меняет подобное представление об истории текста этого произведения, Самйром, если судить по его публикациям, так и не был замечен. С. Х. Самйр проделал огромную работу по исследованию и публикации многих из тех произведений, которыми определялся контекст бытования «Собеседований» Илии Нисивинского. И письменное наследие Назйфа ибн Йумна, и трактаты Хунайна ибн Исхāқа, и творчество ‘Абд Аллāха ибн ат-Тайййба, как и история бытования его произведений, были предметами изучения С. Х. Самйра. Ссылками на его работы пестрят главы об этих авторах в настоящем исследовании. Однако вопрос бытования произведения в межконфессиональном контексте, рассмотренный Самйром на примере письменного наследия ‘Абд Аллāха ибн ат-Тайййба — выдающегося «несторианского» автора, занявшего важное место в книжности коптов — в должной мере не был рассмотрен на примере «Собеседований» Илии Нисивинского.

Критическое издание упомянутого выше важнейшего труда ал-Му’тамана Абӯ Исхāқа Ибрāхйма ибн ал-‘Ассāля — *Mağmū‘ uṣūl ad-dīn wa-tasmū‘ maḥṣūl al-yaqīn* — было осуществлено в 1998 г. францисканцем Вадй‘

Абӯ-л-Лйфом и снабжено Б. Пироне итальянским переводом с комментариями.

Феномену *maǧālis* в средневековом исламском мире и одноименному жанру в средневековой ближневосточной литературе, в том числе «Собеседованиям» Илии Нисивинского с везиром Абӯ-л-Қасимом ал-Мағрибӣ, уделяется внимание в целом ряде работ, из числа которых уместно выделить тематический сборник статей «*The Majlis: Interreligious Encounters in Medieval Islam*» (1999), и в нем — статью С. Х. Гриффита «*The Monk in the Emir's Majlis: Reflections on a Popular Genre of Christian Literary Apologetics in Arabic in the Early Islamic Period*». Тема христианско-мусульманского диалога стала также предметом исследования, опубликованного в виде монографии, Д. Бертайны «*Christian and Muslim Dialogues: The Religious Uses of a Literary Form in the Early Islamic Middle East*» (2011). Краткий обзор различных «собеседований», в том числе (и в основном) «Собеседований» Илии Нисивинского, был опубликован в сборнике «*Le chrétiens d'Orient: histoire et identité – Studia Arabica XXIII*» (2014). Эти (и другие; см. библиографию в монографии Д. Бертайны) работы обеспечивают введение в обозначенную тему, тем самым избавляя нас от необходимости делать подобный обзор в представленном исследовании⁹.

Вышеупомянутая обзорная статья об Илие Нисивинском Х.-П. Монферрер-Сала была представлена в контексте христианско-исламского диалога — в основательном справочном издании «*Christian-Muslim Relations: A Bibliographical History*» (2010). Стоит упомянуть, что в разных томах этого справочного издания Илия Нисивинский упоминается многократно.

Таким образом, к началу нашего исследовательского проекта, представленного настоящей диссертацией, оставались неосуществленными:

- научное издание «Книги собеседований» (и ее перевод);
- научное издание «Послания» Илии Нисивинского везиру (и его

⁹ Прениям католика Тимате'бса с халифом ал-Махдӣ тем не менее уделено внимание по причине упоминания этого деятеля Церкви Востока в конце 1-го *маджлиса* «Книги собеседований».

перевод);

— исследование истории текста «Собеседований»;

— исследование восприятия и интерпретации «Собеседований» в книжности коптов (в связи с литературной деятельностью ал-Му'тамана Абū Исхāқа Ибрāхйма ибн ал-'Ассāля) и иной конфессиональной книжности вообще.

В процессе развития нашего исследовательского проекта эти лакуны закрываются.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, послесловия, приложений, иллюстраций (шесть страниц копий рукописного материала) и списка использованных источников и литературы.

Основное содержание работы

Во **введении** изложены: общая характеристика работы, пояснения к теме исследования, актуальность исследования, его научная новизна, методология, цели и задачи, положения, выносимые на защиту, научно-практическая значимость, сведения об апробации, история вопроса. Завершает введение предисловие, дающее краткий исторический обзор от времени установления арабского владычества (VII–VIII вв.) до эпохи, когда развернулась деятельность коптского ученого семейства 'Ассāлидов (XIII в.), а также поясняющее дальнейшую последовательность исследования.

Первая глава – «Культурно-исторический ландшафт: от этно-конфессиональной разобщенности к арабскому универсализму в *Rach Islamica*» – открывается исследованием восточного эпизода последнего в доисламскую эпоху «экуменического» предприятия византийского императора Ираклия (имп. 610–641), началом которому послужила его встреча с католикосом Церкви Востока Йшб'йавом II (628–646). С точки зрения арабоязычных средневековых историков Ираклий символизировал переход от византийского правления в сиро-палестинском регионе и

сасанидского в Персии, с их постоянным соперничеством, к установлению арабского владычества. Об этом, в частности, свидетельствуют «Истории» мусульманина Ахмада ал-Йа‘қубӣ и христианина ал-Макйна ибн ал-‘Амйда, поделенные на два тома, с изложением доисламской и собственно исламской истории соответственно. Исследование восточного эпизода истории «экуменического» проекта императора Ираклия представлено на основании таких источников как Хузистанская хроника, «Книга начальников» (*Ktābā d-rēšānē*) Фомы Маргского, «Книга заглавия» (*Kitāb al-‘Unwān*) Агапия Иерапольского (Махбӯба Манбиджского), «Книга Башни» (*Kitāb al-Mağdal*), «История пророков и царей» (*Ta’rīḥ ar-rusul wa-l-mulūk*) аҫ-Ҙабарӣ, Се‘ертская хроника, «Церковная хроника» Грїҕорїӯса Абӯ-л-Фараджа бар ‘Эврõйõ, «Книга целомудрия» Йшõ‘днаҳа Басрийского, письма католикоса Йшõ‘йава III. Результатом исследования является вывод, что «экуменический» проект императора Ираклия завершился безуспешно, разделенность в христианском царстве осталась непреодоленной. «Экуменические» идеи, предлагающие осознать глубинную общность христианских исповеданий, снова проявятся только при расцвете культуры Халифата, но они будут иметь совершенно иной характер. В связи с этим первая глава продолжается рассмотрением понятия экуменизма и аналогичных концепций в арабо-мусульманской книжности. Рассматривается деятельность мусульманских книжников, собиравших и систематизировавших доступные им сведения о христианских сообществах. Уже в творениях достаточно ранних мусульманских полемистов, историков и исследователей религий отмечается выделение в христианстве трех основных «отделений» (*firaq*), что продолжает оставаться особенностью такого рода сочинений вплоть до Османской эпохи, когда само их составление перестает быть обыкновением. Приводятся примеры из сочинений ‘Абдалләха ибн Исма‘йла ал-Хāшимӣ, Муҳаммада ибн Хārӯна Абӯ ‘Йсā ал-Варрāқа, Муҳаммада аш-Шахрастāнӣ, Абӯ Муҳаммада ‘Алї ибн Аҳмада ибн Ҙазма, Абӯ-л-‘Аббāса Аҳмада ал-Қалқашандї. Завершается первая глава

постановкой вопроса: оказывали ли те представления о христианстве и его делении на исповедания, которые сложились у мусульманских доксографов и были зафиксированы в их трудах, влияние на христианских мыслителей? В поисках ответа на него необходимо, прежде всего, обратить внимание на ту интеллектуальную среду, в которой сосуществовали мусульмане и христиане в эпоху подъема культуры после установления арабского владычества. Известно, что переводческая деятельность, ставившая целью усвоение арабской культурой наследия классиков античной мысли и естествознания, опиралась на уже существовавшую традицию переводов на сирийский язык. Переводы на арабский стали делать еще при Омейядах, в Дамаске, но подлинного расцвета эта деятельность и порожденный ею расцвет интеллектуальной культуры достигли при Аббасидах. Эта эпоха объединяла в творческих союзах не только мусульман и представителей других религий, но, что более существенно для нашей темы, представителей различных христианских исповеданий. Одним из многих примеров может служить переселившийся из монастыря Мār Mārī в Багдад Абū Бишр Matṭā ibn Йūнус (ум. 940), который, сам будучи «неисторианином», имел учеников, среди которых были мусульманин ал-Фārābī и «яковит» Йаḥйā ibn ‘Адī. В круг багдадских интеллектуалов, на формирование которого имел определяющее влияние Йаḥйā ibn ‘Адī (893–974), входил «мелькит» Назйф ibn Йумн, рассмотрением деятельности которого открывается следующая глава.

Вторая глава – «Литературное становление и содержательно-стилистическая эволюция экуменической парадигмы взаимоотношений в арабо-христианской книжности». Трактат Назйфа ibн Йумна «Послание о единстве, согласно тому, как его исповедуют три отделения христиан» (*Risāla fī-l-ittihād ‘alā mā ta‘taqīdu-hu firaq an-naṣārā at-talāt*) был одним из произведений, которые были пересказаны представителем коптского ученого семейства ‘Ассāлидов — ал-Му’таманом ibн ал-‘Ассāлем — в его труде «Собрание основ религии и переданный устно свод достоверного знания».

Пересказанное этим коптом–энциклопедистом, сочинение Ибн Йумна не утратило пронизывающего его строки духа дискуссии. Упомянутые сразу же христианские ученые (*'ulamā' an-naṣārā*) — участники собеседования (*al-mağlis*), к ним обращены обличительные реплики Ибн Йумна, упрекающие в «стремлении к превосходству и властолюбию» (противном единству по смыслу их исповеданий), выдающие, возможно, присутствие эмира, «уравнивающее» участников диспута. В то же время, «несторианин», с конфессией которого в аббасидском Багдаде вряд ли можно было всерьез конкурировать, выделен, несмотря на полемику, политкорректной характеристикой — он «хорош знанием и проникателен в вере».

Письменное наследие упомянутых ал-Му'таманом ибн ал-'Ассāлем «несториан» — «мудреца, философа и врача» Хунайна ибн Исхāқа и Абӯ-л-Фараджа 'Абд Аллāха ибн ат-Ṭаййиба — также рассматривается в этой главе. Эти «несториане» имели непосредственное отношение к творчеству Илии Нисивинского: Хунайн ибн Исхāқ упоминается в «Собеседованиях» Илии Нисивинского — Илия обращался к его сочинениям, Ибн ат-Ṭаййиб — современник Илии и первый читатель его «Собеседований».

Трактат Хунайна «Как постичь истинность вероисповедания», о котором здесь идет речь, известен в двух редакциях: ① «адресованной» и более полной, в которой имеется в виду адресат — 'Али ибн Йахйā ибн ал-Мунадджим — и содержится пространное введение; полемический аспект в отношении ислама в этой редакции выражен вполне отчетливо; ② сокращенной, «обезличенной» и с менее выраженным полемическим аспектом; эта редакция обнаруживается в составе «Свода» ал-Му'тамана ибн ал-'Ассāля. Мы видим, что при составлении своего «Свода» Ибн ал-'Ассāl счел заслуживающим воспроизведения отчасти полемический, т. е. имеющий целью показать несостоятельность «других религий», и отчасти апологический, т. е. отстаивающий достоинства христианства, трактат «мудрого Хунайна ибн Исхāқа, несторианина, врача».

Для истории генезиса и развития в средневековой арабо-христианской

литературе примирительной (или объединительной — «экуменической») парадигмы ключевым произведением, наряду с упомянутым трактатом Назйфа ибн Йумна, является «Книга общности веры» (*Kitāb iğtimā' al-amāna*) 'Али ибн Дāvūда, приобретшая известность под именем «переписавшего» ее Или ал-Джаўхарй Иерусалимского и Дамасского. «Книга общности веры» имеет своей целью примирение трех основных восточнохристианских конфессий — «несториан», «мелькитов» и «яковитов». По мнению автора трактата, если согласие будет достигнуто между этими направлениями, оно распространится и на другие, второстепенные, исповедания, которые «сводятся к этим трем сообществам и восходят к этим трем толкам, как бы к трем корням». Автор рассматривает основные положения вероучения и религиозные практики названных общин и утверждает, что «между ними нет ни разницы, ни противоречия». Судьба этого произведения оказалась не менее «экуменической», чем замысел его автора. Созданный книжником—«яковитом», этот трактат приобрел распространение под именем «переписавшего» его «несторианского» митрополита, был использован коптским богословом, описан ученым—маронитом, переписан «халдейским» письмом (то есть восточносирийским *каришунй* или, точнее, *гаршунй*, как называют запись арабского текста сирийской графикой) и, наконец, привлекался как свидетельство древности двоеперстия историками русского староверия.

В пятом разделе той же восьмой главы «Свода основ религии», в которой выше упоминавшийся ал-Му'таман ибн ал-'Ассāl приводит сокращенное изложение «Книга общности веры», мы находим воспроизведение «Главы одиннадцатой из сочинения Ибн ат-Таййиба, несторианина, с перечислением мнений людей о единстве и их доводов». Самйр Халйл Самйр отмечает, что значимость наследия Ибн ат-Таййиба для коптской традиции становится очевидной, если во внимание принимается количество рукописей с его сочинениями, переписанных коптами. То, как ал-Му'таман ибн ал-'Ассāl преподнес своим читателям трактат Ибн ат-Таййиба,

заслуживает специального упоминания. Пересказав сочинение этого «несторианского» автора, целью которого было подтвердить «многими доводами» надежность своего исповедания в противоположность двум другим, Ибн ал-‘Ассāл подытоживает: «Таковы доводы трех отделений [христианства] касательно того, что они утверждают согласно их толкам, но все они сходятся на том, что Христос – Бог и человек, и сущность Бога и сущность человека, и ипостась Бога и ипостась человека, и расхождение между ними в области описания этого соединения из Бога и человека». Таким образом, мы можем говорить о *трансформации*, в русле межконфессионального сближения, полемической мысли в экуменическую. С подобным явлением мы столкнемся и в отношении письменного наследия Илии Нисивинского.

Творчество Джирджиса ал-Макйна ибн ал-‘Амйда, современника братьев ал-‘Ассāлей, тоже не оставлено без внимания. Первая часть его труда «Благословенное собрание» (*al-Mağmū‘ al-mubāarak*), известного не только в восточнохристианской и мусульманской историографии, но и в западной исторической науке со времени ее становления, по сей день остается неизданной. Мы обратимся к ней в контексте истории интерпретаций конфессионального названия «яковитов».

Третья глава – «“Собеседования”». Исламо-христианский диалог: литературные трансформации, жанровое оформление, согласие и полемика» – является основной в диссертации и составляет исследование «Собеседований» Илии Нисивинского с везиром Абū-л-Қāсимом ал-Мағрибй, в том числе того изложения этого произведения, которое было сделано ал-Му’таманом ибн ал-‘Ассāлем и включено им в состав «Свода основ религии». Имя Илии Нисивинского включено Ибн ал-‘Ассāлем и в общий перечень источников «Свода», помещенный в его начале, где Илия упомянут первым в приведенном списке, и в перечисляющий авторов, изучавших вопросы вероучительных расхождений и их примирение.

В начале третьей главы диссертации представлен обзор сведений о

жизни и деятельности Илии Нисивнского и его литературного оппонента везира Абӯ-л-Қāsима ал-Мағрибӣ. Затем предлагается реконструкция истории создания текста «Собеседований». В «Книге собеседований» дело представлено так, что собеседования Илии и Абӯ-л-Қāsима имели место летом 1026 г., начавшись сразу после первой встречи митрополита и везира в Нисивине. Встречи описаны как последовательность семи обстоятельных диалогов, последующая запись которых и составила «Книгу собеседований», соответственно, из семи глав или разделов. Исследователи «Книги собеседований» принимали такое изложение без анализа и критики. Но при ознакомлении с «Посланием» Илии, а также с предшествовавшим ему посланием везира и последующим его ответом, картина предстает иной. Более правдоподобным представляется то, что после знакомства Илии и Абӯ-л-Қāsима их общение не состояло в том обстоятельном обсуждении вопросов богословия и этики, которое мы читаем в «Книге собеседований», а лишь затрагивало ряд тем, интересующих везира, и мотивы такого интереса. Тогда, видимо, везир получил от митрополита обещание изложить ответы подробнее и письменно. С этим везир тогда отбыл в свою резиденцию в Маййāфāриқйн. Там он получил от Илии переданный тем подарок — механический «исчислитель праздников и начала лет и месяцев». Заинтересовавшись и пожелав узнать больше, везир ответил, выразив благодарность и запросив как дополнительные данные о системе исчислений, так и ответы на интересовавшие его вопросы. За этим и последовало «Послание» Илии с подробным изложением обещанных ответов. Трактат Илии об отгнании печалей, о котором спрашивал везир, тогда еще не был готов, как и запрошенный везиром «ответ на ал-Джāҳиза». Тем не менее, как видно из ответного письма Абӯ-л-Қāsима, «Послание» его обрадовало и он тотчас поделился им с некоторыми единоверцами. Поделился со своими и Илия, и это послание, вместе с посланиями везира, стало событием в истории литературы. Следом состоялось еще несколько встреч и бесед. Об их содержании Илия упоминает в конце «Книги собеседований». Спустя год с

небольшим после знакомства, везир умер. После его смерти Илия создает новую редакцию «Собеседований», с сокращением — как ему теперь виделось — избыточного и добавлением ранее не уместного: личных рассказов разного рода и текстов подчеркнуто апологических и полемических. Переписка и воспоминания претворяются таким образом в новое произведение, выстроенное в более литературно оформленной последовательности, с делением на семь разделов, в которых просматривается жанр *мақām* с их литературной ситуативностью. Будучи историком, автором «Хронографии», Илия привязывает каждый *маджлис* к хронологии первых встреч, что, впрочем, вполне соответствует жанру *маджāлис*. Далее в третьей главе диссертации дано подробное сравнительное рассмотрение содержания двух редакций «Собеседований» — «Книги» и «Послания». Проведенное сопоставление подтверждает вышеупомянутое наблюдение, что «Книга собеседований» представляет собой переработку «Послания» с сокращением частей текста, мало полезных для становящейся апологическим и полемическим произведением переписки, включением «рассказов о себе» — об исцелении везира в монастыре и послушничестве Илии у старца в Мосуле — добавлением похвалы сирийскому языку в противовес арабскому и др. Так *Послание*, вполне подчинившись законам литературы, стало *Книгой*.

В том, что касается изложения этого произведения, которое было сделано ал-Му'таманом ибн ал-'Ассāлем и включено им в состав «Свода основ религии» (русский перевод этого пересказа дан в **приложении 1**), напомним, что то, как ал-Му'таман ибн ал-'Ассāл преподнес в этой главе трактат Ибн ат-Таййиба, позволяет говорить о трансформации полемической мысли в экуменическую. Подобное этому можно сказать и о «Собеседованиях» Илии Нисивинского: совершенно не будучи экуменическим по своему содержанию трактатом, это произведение было помещено Ибн ал-'Ассāлем в экуменический контекст, и тем самым приобрело новое значение — важного сочинения (напомним, Илия

Нисивинский у Ибн ал-'Ассāля стоит на первом месте среди «несториан»), полезного для иного, традиционно особенно оппонирующего «несторианству», христианского сообщества. В данном случае, по всей видимости, оказывается, что те «явно несторианские» пассажи в сочинении Илии Нисивинского, где он задействовал возможности христологии своей Церкви, акцентируя христологический дуализм (парадоксальным образом, именно эти пассажи о христологическом единстве были приведены в рассматриваемой «экуменической» главе) были прочитаны коптским автором как допустимая адаптация к слуху мусульманского собеседника (см. в этой части ремарку Ибн ал-'Ассāля об Илие, который, по его мнению, «имел целью приблизиться к упомянутому везиру»).

В завершение третьей главы представлен обзор рукописей, копии которых были собраны при подготовке издания «Собеседований», как в редакции «Послания», так и в редакции «Книги собеседований». В этом обзоре выделены некоторые детали, позволяющие увидеть интересующие нас связи в бытовании этого произведения в книжности различных восточнохристианских сообществ.

В послесловии с целью уточнения исследовательской оптики, предваряющем общее заключение, автор настоящей работы обратился к другой области — *Islamobuddhica*, письменные источники в которой отражают реалии противоположного конца средневековой экумены *Rax Islamica* — ильханидского Ирана, и в которой мусульманские интеллектуалы осваивали основы монгольского буддизма. В качестве письменного памятника, в котором подобный контакт нашел отражение, был взят арабский перевод «Дэватāсūtры» одной из буддийских сутр, сохранившийся в «Истории Индии» знаменитого разностороннего ученого, врача и влиятельного служащего при дворе ильханов Рашīд ад-Дīна (1249/50–1318). Русский перевод дан в **приложении 2**. Мы видим, что в процессе соприкосновения арабо-мусульманской и буддийской мысли в данном случае возник семантически двуслойный текст, прочтение которого мусульманами

и буддистами будет радикально отличающимся. Не имеем ли мы дела с подобной семантической двуслойностью (и многослойностью) и в области *Islamochristiana* при изучении таких арабских текстов, происхождение которых из тех или иных религиозных кругов на первый взгляд неуловимо? Попытка ответить на этот вопрос дается в следующем далее общем заключении.

Заключение. Ранний, «восточный», этап развития «экуменической идеи» представляет собой немаловажную главу в истории мировой культуры. Исламским мыслителям было свойственно воспринимать христианство как сущностно единое целое, при том, что они вполне отдавали себе отчет о его делении на разные толки. Становление мусульманской культуры в условиях охваченности разных стран арабским владычеством характеризовалось стремлением переосмыслить опыт покоренных культур в контексте провозглашенного превосходства исламского откровения. В этом процессе активно участвовали представители различных христианских конфессий, которые не остались вне влияния на их взгляды объединяющего воздействия новой культуры и того восприятия христианства, которое было засвидетельствовано в мусульманской доксографии.

Оформление экуменической парадигмы в средневековой восточнохристианской книжности засвидетельствовано надежными письменными источниками: трактатами, в которых отстаивается идея сущностного единства христианского мира и равноценности путей, по которым следуют основные христианские конфессии. Наиболее ценным источником в этом отношении является «Книга общности веры» ал-Арфадӣ. В средневековом восточном экуменизме мы находим аналог известной «теории ветвей», которая вполне отражает одну из базовых концепций арабской мысли — *uṣūl wa-furū'* («корни и ветви»), и объединяющими факторами здесь выступают, с одной стороны, новый политический контекст, и, с другой, — новая, общая для всех, арабская интеллектуальная культура.

Определив историко-культурный контекст бытования «диалогического» сочинения Илии Нисивинского — его «заседаний» (*mağālis*) с мусульманским собеседником, везиром Абӯ-л-Қāсимом ал-Мағрибӣ, мы реконструировали историю текста этого произведения. В его основе — «Послание» Илии, которое после смерти везира, адресата послания, было переработано нисивинским митрополитом в «Книгу собеседований» (*Kitāb al-mağālis*). Из послания Абӯ-л-Қāсима ал-Мағрибӣ, написанного в ответ на «Послание» Илии Нисивинского, мы можем заключить, что апология христианства в его «несторианском» варианте и с задействованием соответствующей герменевтики применительно к авторитетным исламским текстам — Корану, *тафсӣрам*, суждениям правоведов и др. — была для собеседника достаточно убедительной. В своем ответном тексте везир утверждает, что среди прочего митрополит Илия «снял с сообществ христиан единопольников то, что постоянно было на них из пренебрежения к ним и приписанных им и отталкивающих характеристик, по мнению мусульман о них, и приравнял он в сердцах их, после ознакомления с этим посланием, единопольние мусульманина, вникающего в тонкости, и христианина, доискивающегося истины, <...> и стали легкими для меня слова тех, кто говорит о единопольии тройственном». Достигнутое исламо-христианское «согласие» мы рассмотрели с применением критического инструментария, уточненного вышеупомянутым сравнительным этюдом из области *Islamobuddhica*. В результате контакта ислама и буддизма образовался семантически двуслойный текст, прочтение которого представителями разных традиций оказывается *предусмотренно* разным. Таким образом, мы возвращаемся к вопросу: не является ли «текст» согласия в рассматриваемом нами исламо-христианском диалоге подобным образом семантически двуслойным?

С одной стороны, мы должны дать положительный ответ на этот вопрос: да, он является намеренно двуслойным и даже многослойным. В-первых, христианские позиции в нем поданы в интерпретации на пределе

возможного (для христианской мысли), а приемлемость их для исламского мыслителя — на пределе его благорасположенности. Во-вторых, невключение Илией Нисивинским в новую редакцию «Собеседований» (т.е. в «Книгу собеседований») таких частей «Послания» как отсылки к мусульманским правоведческим школам и антииудейской полемики, а также добавление отсутствовавшего в «Послании» откровенно полемического *маджлиса* о превосходстве сирийского языка и наук над арабским языком и науками, свидетельствуют о смещении острия полемики в процессе переделки «Послания» в «Книгу»: если «Послание» было обращено к везиру, и острие полемики в его тексте направлено против немусульманских оппонентов, то в «Книге» полемика обращается в сторону мусульманского окружения, отсюда и последовавшие антимульманские выпады, в том числе в разделе о языке и логике. Таким образом, «согласие» в «Послании» оказалось слишком личным и потому слишком хрупким, а «Книга собеседований» вышла слишком полемичной, чтобы в ней оставалось достаточно места для «согласия».

С другой стороны, нужно констатировать, что наряду с упомянутой семантической двуслойностью «Собеседований» в них на более глубоком уровне присутствует общность, и упомянутое «согласие» — не лишь дипломатичный жест, но ее проявление. Можно было бы указать на общее «авраамическое» наследие христианства и ислама, которого нет в источниках области *Islamobuddhica*, но во избежание слишком отвлеченных суждений, мы укажем на предмет более осязаемый для филологической исследовательской методики: Илия и везир говорили *на одном языке*. И это не просто арабский язык повседневной коммуникации, но язык арабской мысли значительной степени абстрагированности. Когда Илия Нисивинский и везир Абӯ-л-Қāсим ал-Мағрибӣ обсуждают, к примеру, то, «внешность чего гнусна, а внутренность чего, может быть, и прекрасна» (по словам везира) или «в соответствии с тем, что допускает внешнее сказанного ими» (по словам Илии), они используют в диалоге те приемы организации

арабской мысли, которые фигурируют как одинаково понятные для обоих собеседников элементы герменевтики тех предметов интеллектуальной культуры, которые они разбирают. «Слишком личным» в таком случае оказывается не их общность, а, напротив, их расхождение.

Теперь нам остается вернуться к вопросу рецепции «Собеседований» Илии Нисивинского в конфессионально ином культурном пространстве восточнохристианской книжности. О чем говорят перечисленные ал-Му'таманом ибн ал-'Ассāлем в его «Своде» имена и сочинения, и каков тот контекст, в котором таким образом оказались «Собеседования» Илии Нисивинского? Имена Ибн Йумна и ал-Арфādй сообщают нам о том, что для Ибн ал-'Ассāля экуменическая парадигма представляла интерес. В самом деле, творение Ибн ал-'Ассāля вполне экуменично: его обзор охватывает известные ему конфессии, и у всех из них он желает увидеть разумные построения, отметить противоречивые положения и указать на возможность их рационального преодоления. Полемический антиисламский трактат Хунайна ибн Исхāқа, как и «Собеседования» Илии Нисивинского, в этом перечне источников «Свода основ религии» свидетельствуют о том, что интеллектуальная реакция христианского мира на вызовы со стороны мира ислама для автора «Свода» также представляла интерес, и как мы видели, интерес к первому вполне логично сочетается с интересом ко второму. Наконец, пересказ Ибн ал-'Ассāлем сочинений Ибн аṭ-Ṭаййиба и «Собеседований» Илии сообщает нам о том, что «ересеологические» главы, т.е. обзоры вероучительных позиций разных христианских толков, тоже были небезразличны этому автору. Таков, вкратце, интеллектуальный контекст.

Контекст культурно-политический состоял в том, что вследствие притока переселенцев из Месопотамии и Сирии, бежавших в Египет от войск хорезмшаха и монголов, в распоряжении коптских книжников оказалось множество принесенных этими переселенцами книг, и очень многие из них — на понятном им арабском языке. В случае 'Абд Аллāха

ибн ат-Таййиба, как мы видели, эта волна даже имела своим следствием то, что арабо-коптских рукописей с произведениями этого «несториянского» автора, «писаря католикосовой кельи», до нас дошло несопоставимо больше «несториянских».

Такой, книжный в материальном смысле, контекст мы рассмотрели и в отношении рукописного материала «Собеседований» Илии Нисивинского. Он показывает, что передача и изменение текста «Собеседований», подробно рассмотренные нами на примере их бытования в коптской среде, были аналогичными и в среде «мелькитской». Естественно, что, чем о более позднем времени (и тем самым более сложном в смысле конфессионального дробления в восточнохристианском мире) идет речь, тем сложнее (многослойнее) становится характер рукописей.

В соответствии с нашей темой, нас интересовало прежде всего средневековое положение дел. И последний вопрос, на который нам нужно ответить в этом заключительном очерке следующий: каковым было дальнейшее течение тех процессов, которые мы описали?

Распадение общности, связанной с расцветом арабской культуры, было обусловлено фрагментацией этой культуры, и оно началось в то же самое время, когда Ибн ал-‘Ассал написал свой «Свод» — в XIII веке — но в другом конце экумены — на Востоке, где вследствие монгольских завоеваний, в том числе сокрушительных ударов, нанесенных монголами арабскому миру, персы начинали всё более активно использовать персидский язык, и, как и сирийцы, всё больше обращались к своему собственному культурному наследию. Об этом явлении нам приходилось писать в связи с исследованием письменного наследия восточносирийского автора Йб̄ханнāна Бар Зб̄б̄й.

Исследование процессов распада той культурной общности, о которой шла речь в настоящем исследовании, — предмет не менее заслуживающий внимания, но это — предмет уже следующего исследования.

В перечне **использованных в исследовании источников и литературы** приведены данные 27 рукописей и 427 публикаций на русском, арабском, сирийском и европейских языках.

По теме исследования автором опубликованы следующие работы:

1. Seleznyov N. N. Al-Makīn ibn al-‘Amīd on Moses of Crete // *Scrinium*. – 2019. – Vol. 15. – P. 321–327. – 0,5 п.л.
2. Seleznyov N. N. Seven Sessions or Just a Letter? Observations on the Structure of the Disputations between Elias, Metropolitan of Nisibis, and the Vizier Abū l-Qāsim al-Maghribī // *Scrinium*. – 2018. – Vol. 14. – P. 457–468. – 0,8 п.л.
3. Селезнев Н. Н. Антииудейская полемика в «Собеседованиях» Илии, митрополита Нисивина, и везира Абу-л-Касима ал-Магриби // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – 2018 – № 2. – С. 300–314. – 1 п.л.
4. Селезнев Н. Н. История экуменизма: забытый ранний этап // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – 2015. – № 2. – С. 161–181. – 1,4 п.л.
5. Seleznyov N. N. “These stones shall be for a memorial”: A discussion of the abolition of circumcision in the *Kitāb al-Mağdal* // *Scrinium*. – 2014. – Vol. 10. – P. 115–148. – 1,7 п.л.
6. Seleznyov N. N. “Elias Geveri of Damascus” in Russian Studies of Church History: A Witness to the Two-Finger Sign of the Cross in a Medieval Treatise on Denominations of Syrian Christianity // *Scrinium*. – 2013. – Vol. 9. – P. 366–381. – 1 п.л.
7. Seleznyov, N. N. Jacobs and Jacobites: The Syrian origins of the name and its Egyptian Arabic interpretations // *Scrinium*. – 2013. – Vol. 9. – P. 382–398. – 1 п.л.
8. Seleznyov N. N. The Church of the East & Its Theology: History of Studies // *Orientalia Christiana Periodica*. – 2008.-Vol. 74:1. – P. 115–131. – 1,1 п.л.
9. Селезнев Н. Н. «Ибо их Писание повелевает...»: Четвертая беседа Илии, митрополита Нисивина, и везира Абу-л-Касима ал-Магриби // *Вестник СПбГУ: Серия «Филология. Востоковедение. Журналистика»*. – 2015. – № 4. – С. 57–65. – 0,6 п.л.
10. Селезнев Н. Н. Апологетический аспект средневекового несторианского энциклопедического сочинения «Башня» (*Kitāb al-mağdal*) на примере глав о любви (*al-maḥabba*) и чистоте (*aṭ-ṭahāra*) // *Вестник РГГУ: Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*. – 2015. – № 3. – С. 9–20. –

0,6 п.л.

11. Селезнев Н. Н. Изречения философов над гробом Александра Великого по «Истории» ал-Макина ибн ал-Амида // История философии. – 2013. – № 18. – С. 248–267. – 1,1 п.л.

12. Селезнев Н. Н. Средневековый восточнохристианский экуменизм как следствие исламского универсализма // Философский журнал. – 2012. – № 1(8). – С. 77–85. – 0,8 п.л.

13. Селезнев Н. Н. Несторианский философ в коптской книжности: Ибн ат-Таййиб в пересказе Ибн ал-Ассаля // История философии. – 2011. – № 16. – С. 265–280. – 1 п.л.

14. Seleznyov N. N. Nestorius of Constantinople: Condemnation, Suppression, Veneration, With special reference to the role of his name in East-Syriac Christianity // Journal of Eastern Christian Studies. – 2010. – Vol. 62:3–4. – P. 165–190. – 1,5 п.л.

15. Селезнев Н. Н. Devatāsūtra в арабском «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина // Государство, религия, церковь в России и за рубежом 2020 (принята в печать) – 1 п.л.

16. Монография: Селезнев Н. Н. Raḥ Christiana et Raḥ Islamica: Из истории межконфессиональных связей на средневековом Ближнем Востоке. – (Orientalia et Classica, 45). – М.: РГГУ, 2014. – 264 с. – 17,5 п.л.

17. Монография: Селезнев Н. Н. Книга собеседований Илии, митрополита Нисивина, с везиром Абӯ-л-Қāсимом ал-Хусайном ибн ‘Али ал-Мағрибӣ и Послание митрополита Илии везиру Абӯ-л-Қāсиму. / ИКВИА НИУ ВШЭ. – М.: Грифон, 2018. – 480 с. – 30 п.л.

18. Селезнев Н. Н. Царствование императора Анастасия по «Благословенному собранию» ал-Макина ибн ал-‘Амида // Религиоведение. – 2013. – № 1. – С. 50–59. – 1 п.л.

19. Селезнев Н. Н. От франков до нубийцев: арабоязычный коптский книжник об особенностях христианских сообществ (по рукописи Mingana Chr. Arab. 71) // Религиоведение. – 2012. – № 1. – С. 7–15. – 0,8 п.л.

20. Селезнев, Н. Н., Ибн Хазм о Боговоплощении и конфессиональном делении в христианстве // Историко-философский ежегодник. – 2011. – М.: Канон+, 2012. – С. 313–329. – 1,1 п.л.

21. Селезнев Н. Н. Средневековый арабоязычный трактат об основных конфессиях сирийского христианства (по рукописи Ватиканского собрания) // Религиоведение. – 2010. – № 2. – С. 21–33. – 1 п.л.

22. Селезнев Н. Н. Сочинение средневекового сирийского книжника в пересказе арабоязычного копта-энциклопедиста // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки» («Studia classica et mediaevalia: Кентавр/Centaurus»).- 2011.– № 14(76). – С. 266–279. – 0,8 п.л.
23. Селезнев Н. Н. Сиро-палестинская мелькитская традиция: история обретения и утраты культурного своеобразия // Вестник РГГУ. Серия «Востоковедение, африканистика». – 2011. – № 2. – С. 221–231. – 0,7 п.л.
24. Селезнев Н. Н. Средневековое сочинение о конфессиях сирийского христианства и его использование в русской церковно-исторической науке // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2010. – № 11(3). – С. 28–38. – 0,8 п.л.